

землях, в центре страны действовали поляки, Москва была захвачена врагами. Этому предшествовала ожесточенная классовая борьба, выразившаяся в крестьянской войне под руководством Ивана Болотникова. Указание в стихе на широко распространенное нашествие и на угрозу разделения земли — прямой намек на события этого времени.

Возможно, стихотворение написано в самый разгар этого «лютее» времени, в годы активизации «Тушинского вора», свержения царя Василия Шуйского, распада первого ополчения и открытой польско-шведской интервенции, когда «кровопролитие и бранем начинание» достигло наивысшего предела и особенно ощущалась угроза разделения земли и потеря национальной независимости страны. Эта обстановка в государстве, вероятно, и побудила патриотически и религиозно настроенного автора к созданию настоящего стихотворения. Стихотворение переключается с «Плачем о пленении и о конечном разорении Московскаго государства», созданным в самые тяжелые годы для русского государства польско-шведской интервенции. Сходство с этим произведением замечается и по линии фразеологии. Кроме того, оба произведения завершаются обращением за помощью к богу, и передается это в почти одинаковых выражениях. «Плач»: «... начнем просити милости у всещедраго бога... дабы... пощадил останок рода христианскаго, и потребил от нас врагов наших, и злолукавый совет их искоренил, и останок бы Российских царств и градов и весей миром оградил и всякия благодати исполнил. И не предаст нас врагом в расхищение и в плен: милостив бо и человеколюбив бог наш» (РИБ, т. XIII, 2-е изд., стлб. 233—234). Стих:

Не предаждь нас, господи,
 Не предаждь поганым в разорение
 И земли нашей в разделение.
 Боже милостиве, пожалуй нас!

Следует заметить, что изданный В. Н. Перетцем исторический стих из сборника «покаянны» — «Плач земли российской»³ тоже сближается со стихом о нашествии «поганых» и относится к тому же времени и также близок к «Плачу о пленении и о конечном разорении Московскаго государства», как это еще подметил его издатель.

Из событий последующего времени только Северная война могла бы как-то подойти к тематике стиха; но, во-первых, в ходе этой войны, даже в начальный ее период, в нашей стране не складывалась такая обстановка, какая отражена в стихе, а, во-вторых, стихи «покаянны» XVIII в. (их немного) и по форме и по содержанию (их писали главным образом старообрядцы) отличаются от данного стихотворения, написанного целиком в традиции сборника. Подделываться же под старую форму не было необходимости. Крупных татарских набегов, захватывавших обширную территорию, в XVII—XVIII вв. не было.

Таким образом, возникновение стиха можно отнести к первой четверти XVII в. и можно считать его откликом на события этого времени.

Литературные источники стиха — в воинских повестях. По тексту видно, что автор был знаком с ними. В воинских повестях при характеристике врага, его намерений, действий применяются такие же формулы. Ср., например, характеристику татар в речах русских князей и владык в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Повести о Николе Зарайском». Ритмический склад стиха напоминает отчасти «Повесть о Горе и Злочастии», отчасти стихотворения Квашнина-Самарина.

³ В. Н. Перетц. К истории древнерусской лирики («Стихи умиленные»), стр. 476.